ЛЮК РАЙНХАРТ

УИМ, СЫН БОГА СЛУЧАЯ

(В поисках Абсолютной Истины)

СОФИЯ

УИМ,
СЫН БОГА СЛУЧАЯ

(В поисках Абсолютной Истины)

ЛЮК РАЙНХАРТ

Автор книги «*ДАЙСМЕН*»

«СОФИЯ» 2009

УДК 82-311.1(73)
ББК 84(7США)
Р18

Перевод с английского И. Нелюбовой

Райнхарт Люк

Р18 Уим, сын бога Случая: В поисках Абсолютной Истины / Перев. с англ. — М.: ООО Издательство «София», 2009. — 416 с.

ISBN 978-5-91250-951-3

Перед вами «Уим» — очередное творение Люка Райнхарта, написанное в необычной, увлекательной, искрометной манере. Каждая строка этой прелестной книги наполнена тонким юмором. Люк рассказывает историю «волшебного» мальчика Уима, отправленного на землю Богом Случаем с целью поиска *Абсолютной Истины*.

В школе Уим становится звездой футбольной команды. Он влюбляется в очень умную, сексуальную, но слишком «правильную» девушку Дон. Ему постоянно приходится «соперничать» с вечным чемпионом Билли Бестом, который также ищет *Абсолютную Истину*, но с корыстными целями. Автор щедро пересыпает текст похожими на дзэн-коаны диалогами между Уимом и его наставником Крупицей Песка, черным «суфием», звездой баскетбола Нарсуфином и Мудрецом, живущим в Гималаях. В конце концов Уиму удается отыскать *Абсолютную Истину*, спасти от уничтожения племя монтоков и завоевать сердце прекрасной Дон!

УДК 82-311.1(73)
ББК 84(7США)

Whim
Copyright © 2000 by Luke Rhinehart

Все права зарезервированы, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

ISBN 978-5-91250-951-3

© «София», 2009
© ООО Издательство «София», 2009

Содержание

1. Из «*Книги Жребия*» 9
2. Из «*Мемуаров Старого Лгуна*» Крупицы Песка,
с. 3–15 20
3. Из *Евангелия от Люка*, с. 18–19 37
4. Из *Досье на Уима*, том 1, с. 234–236 38
5. Из «*Мемуаров Старого Лгуна*» Крупицы Песка,
с. 62–69 41
6. Из *Досье на Уима*, том II, с. 169–170 56
7. Из «*Мемуаров Старого Лгуна*» Крупицы Песка,
с. 53–61 58
8. Из *Евангелия от Люка*, с. 53–61 68
9. Из *Евангелия от Люка*, с. 97–100 72
10. Из *Записок Уима*, с. 21–24. 76
11. Из *Евангелия от Люка*, с. 83–98 79
12. Из «*Мемуаров Старого Лгуна*» Крупицы Песка,
с. 99–108 91
13. Из фильма «*Уим*» киностудии «Парамаунт»,
2007 г. 97
14. Из «*Мемуаров Старого Лгуна*» Крупицы Песка,
с. 129–140 99
15. Из *Досье на Уима*, том III, с. 324–327 104
16. Из *Евангелия от Люка*, с. 188–195 107
17. Из фильма «*Уим*» киностудии «Парамаунт»,
2007 г. 118
18. Из *Евангелия от Люка*, с. 101–115 122
19. Из «*Книги Случаев*» 132
20. Из *Евангелия от Люка*, с. 211–217 134

21. Из фильма «*Уим*» киностудии «Парамаунт», 2007 г. 143
22. Из *Евангелия от Люка*, с. 211–214 147
23. Из *Досье на Уима*, Том IX, с. 122–125. 150
24. Из «*Мемуаров Старого Лгуна*» Крупицы Песка, с. 129–138 156
25. Из фильма «*Уим*» киностудии «Парамаунт», 2007 г. 161
26. Из «*Мемуаров Старого Лгуна*» Крупицы Песка, с. 156–162 166
27. Из *Евангелия от Люка*, с. 120–135 170
28. Из «*Мемуаров Старого Лгуна*» Крупицы Песка, с. 188–196 183
29. Из фильма «*Уим*» киностудии «Парамаунт», 2007 г. 187
30. Из *Евангелия от Люка*, с. 155–167 191
31. Из *Досье на Уима*, том III, с. 133–137 199
32. Из *Евангелия от Люка*, с.182–200 201
33. Из *Евангелия от Люка*, с. 186–194 212
34. Из «*Незаконченных произведений*» Уима, с. 98–101 222
35. Из «*Мемуаров Старого Лгуна*» Крупицы Песка, с. 234–241 225
36. Из *Евангелия от Люка*, с. 122–127 231
37. Из фильма «*Уим*» киностудии «Парамаунт», 2007 г. 239
38. Из *Евангелия от Люка*, с. 256–263 243
39. Из *Евангелия от Люка*, с. 288–292 249
40. Из *Евангелия от Люка*, с. 246–255 252
41. Из *Евангелия от Люка*, с. 231–240 264

42. Из «*Мемуаров Старого Лгуна*» Крупицы Песка, с. 233–239 275
43. Из «*Мемуаров Старого Лгуна*» Крупицы Песка, с. 456–467 282
44. Из *Евангелия от Люка*, с. 163–170 285
45. Из *Досье на Уима*, том III, с. 334–335 290
46. Из *Евангелия от Люка*, с. 301–312 293
47. Из фильма «*Уим*» киностудии «Парамаунт», 2007 г. 305
Сцена первая 305
Сцена вторая 312
48. Из *Евангелия от Люка*, с. 340–350 315
49. Из *Евангелия от Люка*, с. 356–358 326
50. Из *Евангелия от Люка*, с. 455–463 329
51. Из *Евангелия от Люка*, с. 488–496 342
52. Из фильма «*Уим*» киностудии «Парамаунт», 2007 г. 351
53. Из *Евангелия от Люка*, с. 434–442 354
54. Из *Евангелия от Люка*, с. 377–389 366
55. Из «*Разрозненных записей Ума*», с. 222–229 (Неотправленное письмо Уима Крупице Песка) . . 381
56. Из *Евангелия от Люка*, с. 444–456 389
57. Из *Евангелия от Люка*, с. 466–470 401
58. Из фильма «*Уим*» киностудии «Парамаунт», 2007 г. 411

1

Из «*Книги Жребия*»*

Пролог на небесах

И случилось однажды Богу Случаю вызвать двух Великих Богов-Близнецов, Причину и Следствие, с отчетом за два тысячелетия. Они как обычно прибыли с многочисленной свитой, состоящей из Богов-приспешников и ангелов-прихлебателей. Были там Прошлое и Будущее, и Гипотеза, и Потому Что — общим числом несколько тысяч.

Тела Причины и Следствия срослись. По мнению авторитетных источников, левая рука Причины переходила в правую руку Следствия. Однако другие источники утверждали, что кончик пениса Следствия прирос к ягодицам Причины. Во всяком случае, все источники сходились в том, что эти два божества были неотделимыми друг от друга сиамскими близнецами. За многие тысячелетия благодаря своему уродству они разработали целый арсенал цирковых трюков. Поэтому, небрежно поприветствовав Бога Случая, который в задумчивости ходил по комнате, время от времени бросая на них рассеянные взгляды, они приступили к представлению.

— Что произойдет с этим яблоком, если я выпущу его из рук? — спросила Причина.

— Оно упадет, — ответило Следствие, и члены их свиты радостно захлопали в ладоши.

— Каков непредсказуемый случайный результат? — спросило Следствие.

---

* М.: «София», 2009.

— На самом деле, Причина играет в прятки, — ответила Причина с победным видом, и по залу пробежала волна смеха.

— Что будет, если посмотреть на Случай через микроскоп? — спросила Причина.

— Он испарится! — со смехом сказало Следствие, и Вселенная сотряслась от одобрительных криков и аплодисментов.

Однако через три месяца подобные остроты всем надоели, включая самих Причину и Следствие, и они приступили к изложению статистических данных, сопровождая их диаграммами и компьютерными распечатками, демонстрирующими положительные изменения, достигнутые ими со времени последнего отчета, относительно их влияния на человеческий разум. Они подробно обрисовали некоторые из своих последних достижений, например открытия Эйнштейна и Гейтса, атомные бомбы и ракеты, космические корабли и вебсайты, новые бактерии и яды и новые лекарства, — достижения всех тех, кто открыл новые пути соединения разрозненного.

Бог Случай слушал с большим вниманием и интересом.

— Похоже, вы свою работу знаете, — наконец сказал Бог Случай, сдерживая зевоту.

— Естественно, — ответила Причина. — Люди учатся искать Меня повсюду.

— Они видят бесконечную связь с Нами во всем мироздании, — добавило Следствие со своей обычной ухмылкой.

— И ищут во Мне Абсолютную Истину, — добавила Причина.

— Отлично, — сказал Бог Случай и на этот раз не сдержал зевоты. Зевок длился шесть дней, в течение которых все замерли в уважительном молчании.

Когда зевок закончился, Единственный Божественный Сын Случая, Наш Горячо Любимый Уим, Один из Многих Случаев, который за двести тысяч лет еще ни разу не отважился заговорить, когда его Отец проводил свои случайные официальные слушания, впервые вмешался.

— Отец, — начал он нерешительно.

— Ну? — сказал Бог Случай. Он никогда ничему не удивлялся и посмотрел на своего малолетнего Сына, снисходительно улыбаясь.

— Судя по этим отчетам, все о Тебе начинают забывать, — продолжал Уим с застенчивой решительностью. — Никто не признаёт Твоего Присутствия. Вселенные заполнились неверующими. Все только и сюсюкают с этими Причиной и Следствием.

— Неужели? — равнодушно сказал Бог Случай.

— Это называется приобщением к цивилизации, — ехидно заметило Следствие.

— Всякий раз, когда люди пытаются включить Тебя в свою жизнь, — продолжал Уим, не обращая внимания на то, что его перебили, — прибегая к стеблю тысячелистника, трещинам на панцире черепахи, звездам, картам Таро, костям, монетам, случайным числам, астрологическим предсказаниям или биржевым брокерам, появляются Причина и Следствие с каким-нибудь новым открытием и вынуждают людей думать, что, по большому счету, Ты в общем-то ни при чем.

— Я это знаю, знаю, — сказал Бог Случай. — Но это всего лишь Случайность, Сынок.

— Отец, Ты должен разделить Причину и Следствие. Из-за них всё Твоё Мироздание выглядит большим механистическим занудством.

— Я возмущено, — сказало Следствие.

— Комплекс неполноценности, — заметила Причина, — потому что ты всегда вынужден идти за Мной. — Раздались взрывы смеха.

— Говоришь, их надо разделить? — сказал Бог Случай. — Возможно, Ты прав, Сынок. Но не забывай, что Я из принципа не люблю ничего делать с какой-то целью.

— Но я хочу что-нибудь сделать, — воскликнул Уим.

— Ну, это совсем другое дело. Я не люблю ставить какую бы то ни было цель, решая дела вселенной, поскольку это признак необъективности. Но если Ты хочешь что-то сделать, полагаю, в этом нет определенной цели.

— Спасибо, Отец, — сказал Уим, глядя на Бога Случая с застенчивой улыбкой.

— Но сначала нам необходимо поговорить с Тобой как Бог с Богом.

Бог Случай подал величественный знак мизинцем, и Причина со Следствием, а также сопровождавшие их второстепенные Боги поклонились и начали покидать зал.

— До встречи в следующем тысячелетии, Почтенный Бог, — сказала Причина и поклонилась преувеличенно почтительно.

— Тем временем, — добавило Следствие с ухмылкой, — не делайте ничего такого, чего не смогли бы сделать мы! — И оба удалились, ступая в ногу, мелкими шажками. Их смех еще долго отдавался эхом.

Бог Случай благожелательно улыбнулся им вслед и вновь обратил Свой взор на Сына.

— На чем Я остановился? — начал Он. — Ах да. Сын Мой, Ты молод. Я обратил на Тебя внимание лишь сто тысяч лет назад. Настало время посвятить Тебя в некоторые особенности устройства Вселенной.

— Я слушаю, Отец.

Бог Случай прочистил горло.

— Как Тебе, вероятно, известно, Вселенная основана на системе свободного предпринимательства: каждый Бог сам по себе. Я действую Случайным Методом, у

Причины и Следствия Занудный способ, у Цели свой собственный подход. Иллюзия использует магические хитрости. Добро и Зло постоянно ведут нелепые поединки, а *Абсолютная Истина* сидит на месте с важным видом. Кроме них, конечно, есть двести тысяч или около того менее важных богов, которые поддерживают…

— Я знаю, Отец, — сказал Уим. — Мы все это проходили в десятитысячном классе.

— Не торопись. Наберись терпения, — сказал Бог Случай, нежно положив Руку на плечо Нашего Горячо Любимого Уима. — Ты не знаешь того, что каждый из Богов — Я имею в виду Восемь Великих Богов — думает, что Он, и только Он, является Властелином Мироздания и Опорой Вселенной.

— Но, Отец…

— Так, Причина и Следствие полагают, что они всем управляют. Иллюзия верит, что все зависит только от нее. Добро и Зло думают, что их мелкие стычки имеют судьбоносное значение, а Цель…

— Но, Отец, всего несколько месяцев назад Причина и Следствие были здесь у Тебя при дворе с докладом. А до этого, как я помню, сюда приходило Добро и…

— Я знаю, знаю, — сказал Бог Случай, кивая головой и улыбаясь. — Но раз в несколько тысяч лет Я должен отчитываться перед Их Королевскими Дворами.

— Отец…

— Знаю, Сынок. Это унизительно. Но так уж устроена Вселенная. Мне также приходится посещать дворы Цели, Иллюзии и Зла. Но самое неприятное — это то, что раз в два или три тысячелетия Я должен выстаивать год, а то и два перед Двором *Абсолютной Истины*, выказывая ей уважение, хотя это единственная Богиня, которая никому из Нас не вымолвила ни одного слова.

— Но Ты управляешь всеми этими Обманщиками!

— Вполне возможно. Полагаю, Я управляю всеми этими Обманщиками. Но они полагают, как Мне кажет-

ся, Случайно, что Они управляют мной. Для Иллюзии Я не более чем еще одна иллюзия. Для Причины и Следствия Я всего лишь скрытая причина. Для Цели Я лишь необходимый ей соперник да еще иногда выполняю поручения ее лакея Эволюции. Некоторые второстепенные Боги, такие как Дидат, Литлби и Иегова, называют Меня чудом. И так далее. Я, безусловно, полагаю, что все они действуют под Моим случайным руководством.

— Но ведь это правда? Да? — спросил Уим, глядя на Своего Отца с надеждой.

— Я и сам не знаю, — ответил Бог Случай и нахмурился. — На самом деле, нынче никто из Нас не уверен в себе.

— И это никак нельзя выяснить?

Бог Случай снова нахмурился и почесал лысину.

— Может быть, и можно.

— Скажи как, Отец. Я сделаю все что угодно.

— Ну, единственное, что мы, Боги, знаем точно, так это то, что только одна *Абсолютная Истина* знает все.

Уим выглядел растерянным.

— Но… но…

— Знаю, Сынок. Почти все мы, Главные Боги, думаем, что *А.И.* — самая большая Обманщица из нас. Она никогда ничего не делает, только сидит в своем огромном, набитом хламом дворце и делает вид, будто важнее всех Нас. Цель называет ее «Старой Всезнайкой», Иллюзия зовет ее «Большим Иксом». Для Меня она просто «старая *А.И.*», одна из Нас, Богов.

— Но Ты полагаешь, что только Абсолютная Истина точно знает, кто из Богов является Властелином Мироздания.

— Ну да. По крайней мере, все мы, Боги, так считали несколько последних тысячелетий. Однако проблема заключается в том, что никто из Богов не может получить ответа у *Абсолютной Истины*, так как старая *А. И.* общается только с людьми, да и то только с избранными.

— Людьми? — удивленно повторил Уим. — Но это же нелепо! Для чего…

— Знаю, это как метать бисер перед свиньями, как однажды сказал один парень из свиты Иеговы.

— Но…

— Что касается людей, то те, кто утверждают, что встречались с *Абсолютной Истиной*, расходятся в том, что именно они видели. Отсюда нам трудно заключить, кто из них действительно встречался с *А. И.* Поэтому мы и не знаем точно, кто из Нас на самом деле Властелин Мироздания.

— Все это так непонятно и нелепо, — сказал Уим, с мрачным видом качая головой.

— Это и есть Наш Случайный Метод, Сынок. Спорить с ним бесполезно.

— Тогда как же мне помочь? — спросил Уим и снова посмотрел на Своего Отца с радостным ожиданием.

— Ты говоришь, что хочешь что-нибудь сделать?

— Да, Отец.

— Тогда, Сынок, думаю, Я могу устроить так, что Ты будешь рожден в обличье человека.

— Только не это.

— И если ты Случайно встретишься с *Абсолютной Истиной…*

— Мы узнаем! — воскликнул Уим.

— Наконец мы узнаем, — вздохнул Бог Случай, и Его глаза засверкали.

— Я согласен, — объявил Уим. — Я стану человеком.

— Подожди, Сынок, не торопись, — сказал Бог Случай, со снисходительной улыбкой наблюдая энтузиазм Сына.

— Ты никуда не отправишься, пока Я не брошу Царский Куб и не увижу, что к чему.

— Да, сэр, — ответил Уим.

— Чем действительно стоит гордиться в Моем Царстве, так это тем, что, хотя Я всегда действую случайно, Мне удается сохранять Свои позиции среди других Больших Богов. Они вовсю плетут интриги, чтобы расстроить Мои планы, а Я могу отвечать им лишь время от времени и целюсь наугад, только иногда перезаряжая ружье.

— Это наш Метод, Отец, — с гордостью сказал Уим.

— Это правда, — сказал Бог Случай, — но скажу Тебе откровенно, иногда это как заноза в Моей Царской Заднице. Тем не менее пора бросать Царский Куб, чтобы посмотреть, что к чему.

— Если я буду рожден человеком, — мечтательно сказал Уим, — я найду Абсолютную Истину, чего бы мне это ни стоило.

— Не стоит драматизировать, — сказал Бог Случай. — Если Ты встретишь старую *А.И.*, это наверняка произойдет Случайно.

Отец и Сын неспешно отправились в Царский Кегельбан, находящийся всего в каких-нибудь шести миллиардах миль. Наш Горячо Любимый Уим часто слышал ужасающий грохот, сопровождавший Царские Броски, но раньше присутствовать при этом его не приглашали.

Когда Они наконец прибыли, Уим, к своему удивлению, увидел перед собой одну-единственную дорожку. Сначала она была узкой, не более четырех футов, но потом расширялась, и сколько Уим ни старался, он ничего не мог различить вдали кроме бескрайнего сверкающего горизонта. Перед ним была золотая дорожка, уходящая в бесконечность. Никакого Царского Куба Уим не увидел.

— Встань здесь, Сынок, — велел Бог Случай. — И не переживай из-за того, что тут увидишь. Бросать Царский Куб — занятие непростое, и зрелище это довольно

впечатляющее, но в конечном итоге все будет хорошо. Во всяком случае, так всегда было раньше, хотя Мне ли предсказывать, что сегодня все пройдет как обычно.

Потом Он наклонился и слегка согнул ноги в коленях, заняв место у начала дорожки, и, прищурившись, посмотрел в бесконечную даль. Хотя Его Правая Рука была пуста, Он сгибал и разгибал Свои старческие пальцы, как будто готовился к чему-то, требующему напряжения. Наконец Наш Горячо Любимый Уим увидел, как Бог Случай сделал шаг вперед и Сам покатился кубарем по дорожке.

Уим был поражен. Его престарелый Отец прыгал и кувыркался на уходящей вдаль дорожке как акробат-эпилептик, становясь все больше и принимая форму куба. Покрыв расстояние в пять миль, Он приобрел форму Игральной Кости или Куба или чего бы то ни было еще, стал увеличиваться в размере и, казалось, начал двигаться в обратную сторону, к Уиму. Чем дальше и быстрее Он катился, тем больше Он становился, и вскоре все пространство было занято этим гигантским грохочущим Кубом, а потом…

Он лопнул. Куб рассыпался на несметное число частей, каждая размером с квадратный дом. Все они рассыпались по Царскому Кегельбану с грохотом, который мог бы издать миллион земных гроз. Они прыгали и перекатывались (Уим понял, что это были гигантские игральные кости), миллион за миллионом, исчезая в бесконечной дали, пока все не исчезли из виду.

Уим был в смятении. Не каждый день у тебя на глазах собственный отец распадается на миллион частей. Поскольку в мире Бога Случая, самом непрочном из миров, не было ничего надежного, Уим опасался самого худшего.

— Отец? — нерешительно позвал он.

Тишина.

— Отец! — позвал он громче.

Тишина.

— ОтЕ-Е-Е-Ец! — закричал он, и его крик эхом запрыгал вдоль дорожки, как последний заблудившийся куб, а затем снова наступила тишина.

Уим ждал, охваченный грустью. Сначала послышалось едва различимое жужжание. Потом оно превратилось в равномерный шум, будто приближалось стадо скачущих галопом бизонов. Наконец он смог различить что-то вдали: на горизонте, словно войско индейцев из-за выступа скалы, появилось множество каких-то созданий. Несясь с бешеной скоростью прямо на Уима, они принимали очертание возвращающихся назад и увеличивающихся в размере игральных костей.

Уим едва успел броситься на землю, закрыв голову руками, и лежал так, пока не услышал, что свист и гром умолк. Он поднял голову и увидел своего Отца, Бога Случая, который стоял перед ним, стряхивая крошечные игральные кости, приставшие к его одежде.

— Отец? — тихо спросил Уим, все еще лежа на земле.

— Похоже, — сказал Бог Случай, почесывая голову и с достоинством произнося слова, — что на 11,62 процента вселенных погода будет необычно жаркой. Завтра будет 2567 землетрясений, беспорядочная солнечная система уничтожит все формы жизни во вселенной 344, «Оркни Блу Сокс» выиграют 53 игры подряд в Бета Лиге (вселенная 69), а Ты, Сын Мой, родишься на планете, которая называется «Земля».

— Не забудь, — сказали Причина и Следствие за несколько лет до возможного рождения Уима как человека, — что вера в нас породила ту современную цивилизацию, в которой ты в скором времени родишься.

— На вашем месте я бы не стал об этом распространяться, — сказал Уим и менее чем через месяц после этого родился.

Бог Случай определил с большей или меньшей точностью (планирование не было его сильной стороной), что Уим родится в ноябре 1932 года по земному времени, но у него зачесался правый локоть, и всё отложилось на год, а потом Он громко чихнул, а потом ему надо было высморкать Свой Царственный Нос, а потом еще что-то случилось, а затем что-то еще. В конечном итоге Наш Горячо Любимый Уим был послан в темноту человеческой жизни лишь в апреле 1970 года.

2

Из «*Мемуаров Старого Лгуна*» Крупицы Песка, с. 3–15

Вы наверняка наслушались всяких небылиц о нем. Но это не помешает мне рассказать вам мои собственные небылицы, которые во много раз интереснее ваших, поскольку я знал Уима еще до его рождения.

Во всяком случае, они интереснее *мне*. Для вас он всего лишь маленький чокнутый индеец, который выгодно использовал ловкость в пассах, темные глаза и свое безрассудство для возбуждения массовой истерии, появления на телеэкране и создания новой религии. Я-то уверен, что он вовсе не собирался создавать никакой новой религии. Так что знай Уим о полумиллионе или около того *Детей Случая*, которые разбрелись по свету, он бы перевернулся в гробу (если бы его не кремировали, а прах не развеяли на потеху глупым чайкам в заливе Гарднера, что, как вы понимаете, несколько затрудняет переворачивание).

Уим родился во время прилива ранним вечером погожего апрельского дня. Согласно преданию, он родился из моря, доплыл на спине слегка модифицированным стилем до пляжа Маганансет и был усыновлен индейской женщиной Широкая Лужа, собиравшей моллюсков, когда он приплыл к берегу.

Так вот, все было совсем иначе, я сам видел.

На самом деле, Уим родился в шлюпке. У Широкой Лужи живот рос девять месяцев, и поскольку мужа у нее не было, она рыбачила со мной. Мне не везло с клевом недели две, и, когда моя удочка изогнулась так, будто наживку проглотил кит, признаюсь, я пришел в

волнение. И именно в этот момент то, что находилось в утробе Широкой Лужи, решило устроить суматоху. Можно было подумать, что попавшая на крючок рыба и начало родов были как-то связаны.

И вот представьте, я, взволнованный, как ребенок на карнавале, пытаюсь вытащить эту большую рыбину и отдаю команды Широкой Луже поворачивать лодку так и этак, чтобы мне было легче справиться с рыбой.

— Следи за кормой! — кричал я, не зная, что, когда ее лицо искажала боль и она, выравнивая лодку, орудовала веслами, ей приходилось делать это одной рукой, так как другой она поддерживала свой живот.

— Вот так рыба, ну сильна! — воскликнул я и опустился на колени на корме, чтобы сохранить равновесие. Бедная Широкая Лужа сползла со своего места и лежала теперь на днище лодки, прислонившись к деревянной скамье. Ее лицо раскраснелось; чувствуя, что ребенок на подходе, она все же молотила веслами, чтобы помочь мне.

— Бог мой, какая красотка! — сказал я, снова вставая во весь рост, чтобы подтащить рыбу ближе к лодке. — Она на подходе!

Напрягая все силы, в экстазе, я высоко поднял удочку и вытащил из воды огромную, сверкающую и трепещущую рыбину, которая была красивее, чем закат солнца в осенний день, и бросил ее на дно лодки между собой и Широкой Лужей, лежащей с разведенными ногами и лицом, сияющим, как звездный свет.

— Мы сделали это! — завопил я и поднял голову к небу. Не выпуская удочку, ставшую вдруг легкой, я поднял сжатую в кулак правую руку и победно помахал Богам.

— Спасибо, Ребята! — сказал я. — Это лучшее, что вы могли сделать.

Потом я присел, чтобы лучше рассмотреть свою рыбину, но, когда стал на ощупь искать конец удочки, уви-

дел, что между раздвинутых ног Широкой Лужи, в воде, набравшейся сквозь течь в лодке, тихо лежит прекрасный младенец. Это был самый сияющий, самый проворный, самый живой и самый безмятежный младенец из всех, что мне доводилось видеть. Его глаза были широко открыты и мерцали, и он смотрел прямо на меня.

Широкая Лужа откинулась на скамью и смотрела на ребенка с такой любовью, что мне даже страшно сделалось.

Я был всего лишь ошарашенным рыбаком, и хотя вид этого странного ребенка меня поразил, *навигатор* никогда не показывает своих чувств. Поэтому я встал на колени перед младенцем и продолжал исследовать свою леску.

— Это мальчик, — тихо сказала Широкая Лужа, нагнувшись и прижав ребенка к груди.

— Вот и отлично, — сказал я. — Но где же моя рыбина? — Я продолжал ощупывать леску в воде, собравшейся на дне лодки, прошел по левой ноге Широкой Лужи, перебрался через ее юбку и наконец нашел приманку. Один из ее крючков впился в бок младенца.

Видите ли, когда ты ожидаешь увидеть самую большую рыбу, которую тебе довелось поймать за многие годы, а вместо этого обнаруживаешь младенца, у тебя такое чувство, будто тебя мул лягнул. Я взглянул на Широкую Лужу, она посмотрела на меня с безмятежной радостью. Я взглянул на ребенка, он посмотрел мне прямо в глаза и улыбнулся, что сразило меня окончательно.

Я решительно, но осторожно вынул крючок с приманкой из тела ребенка, поразившись, как легко он вышел, даже кровь не выступила. Когда я снова взглянул на младенца, он все еще улыбался.

— Спасибо, — проворковал он.

Даже самый уравновешенный из рыбаков не устоял бы на ногах.

Широкая Лужа снова прижала младенца к груди и посмотрела на меня.

— Крупица Песка, придумай ему имя, — попросила она.

Мне было приятно, что она попросила меня об этом, и я обратился к небесам за помощью.

— *Iskabee mora*… — сказал я на языке монтоков*, — Уим**.

Имя пришло мне на ум с такой легкостью, будто я знал его всю жизнь.

— Уим… — повторила Широкая Лужа. — Ну да, Уим — дитя волн. Красивое имя. — Мы оба посмотрели на ребенка с любовью, и провалиться мне на месте, но в его взгляде тоже была любовь.

— Ты доволен, Крупица Песка? — спросила Широкая Лужа.

Я принял задумчивый вид. Выпрямился и скрестил руки на груди.

— Конечно, доволен, — сказал я серьезно. — Но видела бы ты ту, что удрала.

Для нас, монтоков, получить Уима взамен двухфутовой голубой рыбы было вполне справедливым, хотя Сидячая Корова утверждает, что я постоянно ворчу, говоря, что Боги могли бы позволить мне получить и то, и другое. Думаю, легенда о рождении Уима началась с того, что некоторые стали утверждать, будто я поймал Уима на крючок и вытащил его из воды спиннингом, «затеяв адскую схватку», по их выражению. Такая версия показалась людям недостаточно романтичной, и вскоре

---

* *Montauk* — монток. 1) Конфедерация индейских племен в центре и на востоке о. Лонг-Айленд, шт. Нью-Йорк, в 1600 г. насчитывала 6 тыс. человек. Ныне из входивших в нее племен существуют собственно монтоки, живущие на крайнем востоке Лонг-Айленда (около 80 человек в 1990), шиннекоки [*Shinnecock*] и пуспатуки [*Poosepatuck*]; общая численность около 2 тыс. человек; 2) индеец монтокской конфедерации.

** *Whim* (англ.) — прихоть, каприз; причуда. — *Прим. ред.*

ее сменила история о том, как Уим выплыл из моря, попав к нам из другой солнечной системы. Но Широкая Лужа говорит то же, что и я, а она не способна на ложь, как я не способен на правду.

Меня зовут Крупица Песка. Когда Уим впервые предстал перед моими глазами, мне было уже пятьдесят и я был официальным *навигатором* племени монтоков. Слово «навигатор» — это мой перевод фразы с языка монтоков, которая значит «тот, кто умеет читать звезды и волны». Эта фраза досталась нам от древних мореплавателей, которые доставили нас на Лонг-Айленд из южной части Тихого океана около двух тысяч лет назад.

Занимать должность *навигатора* всего племени — дело ответственное, даже если все племя на момент рождения Уима насчитывало шестьдесят шесть известных нам монтоков, половина из которых выдавала себя за людей, а другая половина, как Уим и его мамаша, были монтоками, которые скрывались от людей.

Навигатор был официальным историком, рассказчиком, поэтом, географом и духовным наставником. Если у монтока возникала проблема с соседом, он шел к вождю. Если у него возникала проблема со Вселенной, он шел к *навигатору*. За долгие годы я хорошо узнал Уима.

Думаю, мне следует просветить вас относительно индейцев-монтоков. В наше время каждый знает — я имею в виду, все люди думают, что индейцы-монтоки прекратили свое существование в конце XIX века и что чокнутые вроде меня, утверждающие, что они монтоки, просто шарлатаны и обманщики. Пусть мы будем шарлатанами и обманщиками, благодаря этому мы и выжили, но все равно мы — монтоки, по крайней мере тогда, когда считаем нужным признавать это.

Фактически, пока сюда не пришел белый человек, у нас, монтоков, не было истории. И хотя мы существовали тысячи лет, согласно передаваемой нашими *навигаторами* устной традиции, «никогда ничего не

происходило», «прилив сменял отлив, рыба клевала в сумерках». В нашей истории не было битв, а если они и были, то им придавали не больше значения, чем мартовскому северо-восточному ветру или летней грозе. Наше племя не знало великих вождей или великих воинов, — во всяком случае, в обычном человеческом понимании. Когда однажды Уим спросил у меня, почему у монтоков не было великих вождей или воинов, я сказал ему правду: «Наши Великие Вожди *оберегали* нас от битв. Они умели ничего не делать. Пока не пришел белый человек, у нас было много великих вождей: именно поэтому никогда ничего не происходило».

История монтоков началась тогда, когда четыреста лет назад на наш берег впервые ступила нога белого человека. Известно, что первым вождем печального времени, когда «начали происходить события», был Маленький Булыжник. Именно он был вынужден вести переговоры с Джоном Холкомбом, желавшим от имени деревни Саутгемптон купить землю, на которой мы, монтоки, жили почти двести лет. Сначала Холкомб предложил за пятьдесят тысяч акров, на которых мы жили, три фиолетовых коврика, два розовых и две дюжины металлических безделушек, подозрительно похожих на согнутые гвозди. Когда вождь отказался, Холкомб предложил дюжину цветных ковриков и четыре дюжины согнутых гвоздей.

— Нет, — сказал вождь Маленький Булыжник. — Предпочитаю пятьдесят тысяч акров.

А потом Холкомб сделал предложение, от которого вождь не смог отказаться.

— Тогда, вождь, — сказал он Маленькому Булыжнику, — или ты освободишь эту землю от своих чертовых индейцев, или мы вас всех перебьем.

Вождь Маленький Булыжник был одним из наших великих вождей. Он посмотрел Холкомбу прямо в глаза и, не мигнув, сказал: «Мы уйдем».

Холкомб думал, что заключил выгодную сделку, но Маленький Булыжник его обхитрил: он просто отдал землю белым. Он не взял цветных ковриков и согнутых гвоздей и не подписал бумаг. Холкомб и другие белые были вынуждены взять землю бесплатно, а Маленький Булыжник и его племя отправились на более отдаленные земли. Такова была история всех индейских племен, но в отличие от других, мы никогда не воевали, никогда ничего не продавали и не подписывали. Из своего отступления мы сделали религию.

В XIX веке наш великий вождь Капля Воды придумал стратегию, которая спасла наше племя. В то время как другие индейцы были истреблены или согнаны в резервации, этот вождь придумал уловку, которую с тех пор используют все истинные монтоки, — невидимость. Благодаря такой дальновидной политике к 1900 году было объявлено, что мы, монтоки, вымерли. Так, в отличие от других американских индейцев, нам удалось избежать массового истребления, ассимиляции и резервации.

Речь, с которой наш вождь Капля Воды выступил на собрании племени в 1876 году или около того, когда делегация от деловых людей округа Суффолк и пехоты США пришла покупать последние двадцать два акра нашей земли, учит наизусть каждый ребенок племени монтоков. Некоторые из присутствующих сказали, что необходимо прервать традицию и бороться за последние акры нашей земли. Кто-то предложил плыть обратно в южную часть Тихого океана. Остальные предложили оставить землю и найти землю подешевле где-нибудь в другом месте, что мы обычно и делали на протяжении двухсот пятидесяти лет. Вождь ответил им всем:

— Как бы отважно мы ни сражались, белый человек нас убьет. Как бы далеко мы ни уплыли, белый человек нас настигнет. Какой бы дерьмовой ни была земля, однажды белый человек на нее позарится. Монтоки

никогда больше не будут воевать. У монтоков никогда больше не будет собственной земли. Сегодня мы, монтоки, отрекаемся от человеческого рода. С сегодняшнего дня мы начинаем исчезать. Если у монтоков ничего не будет, белые люди не смогут ничего у нас украсть. Если нас не будет, белые люди не смогут нас убить. Сегодня мы спрячемся так, что сможем жить вечно.

Так мы и сделали. Мы разбились на небольшие группки морских цыган и стали жить на маленьких лодках и в палатках на диких пляжах, ходить под парусом от Гринпорта до Гарднерз-Айленда, Монток-Пойнта, Кейп-Гаттераса и обратно, насколько позволял ветер и белые люди, питаться раками, моллюсками, рыбой и лесными ягодами, научились одеваться, как белые рыбаки, говорить, как белые рыбаки, и врать, как белые рыбаки. Когда нас ловили за нарушение частной собственности, мы не сопротивлялись, отсиживали положенный срок в окружной тюрьме и снова становились невидимыми.

Чтобы ввести в заблуждение белых людей, Капля Воды велел каждому монтоку говорить, что его или ее зовут Джин Смит. Поскольку монтоки всегда делали вид, будто они не умеют ни читать, ни писать, в один прекрасный день все две тысячи членов племени монтоков стали Джинами Смитами. В течение пятидесяти лет белые люди ругались, выходили из себя и посылали проклятья, но каждый новый монток, с которым они разговаривали, утверждал, что его или ее зовут Джин Смит.

Но Богов не обманешь дольше, чем на несколько секунд: у них слишком много свободного времени. В 1942 году разразилась трагедия.

Американская служба воинской повинности для гражданских лиц почему-то выбрала имя «Джин Смит», и одним росчерком пера все племя монтоков было призвано в армию.

Наш вождь Мелкий Колодец немного подумал и принял политику, которая беспрекословно проводилась после этого. Той ночью каждый последний Джин Смит умер от сердечного приступа, а на следующее утро у каждого монтока было новое имя белого человека, которое должно было меняться каждый день.

После этого ни один монток не попадал в больницу, не приходил на прием к врачу и не получал свидетельства о рождении. После этого ни один из нас не получал социального пособия и не работал официально у белого человека, ни у одного из нас не было номера карточки социального обеспечения. После этого ни один из нас не был зарегистрирован для призыва, кроме одного ренегата, из-за которого мы все чуть не погибли.

Ни один монток не был зарегистрирован для исполнения воинской повинности. Так нам все-таки удалось избежать Второй мировой войны и не вписать в свою историю участие в победной битве. Нет нужды говорить, что с 1880 по 1942 год всякий раз, когда монтока задерживали, он говорил, что его зовут Джин Смит. У этого парня был самый большой список правонарушений за всю историю США.

Новая политика всегда называть новое имя — как правило, не слишком популярное среди белых, как, к примеру, Джордж Вашингтон Грязный или Ю. Р. Уайт Говно, — перестала существовать в 67-м или около того. До регионального отделения в округе Суффолк все той же службы воинской повинности дошли слухи, что в прибрежной части округа живет более сотни тысяч индейцев-ренегатов, и полиции было приказано произвести на них облаву, с тем чтобы они могли защитить страну от вторжения со стороны Северного Вьетнама.

Представление, что мы столь многочисленны, было вызвано тем, что на протяжении двух десятилетий мы хулиганили с именами. В самом деле, нас было не более сотни, и поскольку мы не подвергались массовому ис-

треблению и изгнанию в резервации, думаю, мне необходимо объяснить, как получилось, что нас осталась всего сотня, хотя восемьдесят пять лет назад, в 1880 году, нас было двести тысяч.

Все объясняется стандартами. Используя наши древние методы контроля над рождаемостью, женщины племени монтоков, как правило, производили на свет одного ребенка. Если рождался калека или болезненный ребенок, *навигатор* мог разрешить матери вернуть его Богам и попытать счастья еще раз. Сами можете догадаться, что при таком уровне рождаемости численность нашего племени уменьшалась почти вдвое в каждом новом поколении. В действительности, численность уменьшалась не так быстро, так как мы всегда принимали в племя кого-то из людей.

Знаю, что в этом мало здравого смысла. Когда я был маленьким, я сам много думал, зачем монтоки берут на себя такую обузу и загрязняют себя людьми. А вы, со своей стороны, вероятно, думаете, какого черта нормальному человеку нужно племя, у представителей которого нет ни денег, ни земли, ни домов, ни работы, ни будущего. Отвечу, они ищут две вещи: свободу и секс. Не думаю, что вы способны понять, что мы имеем в виду под свободой, но что такое секс, вы понять можете. Не скрою, и мужчины, и женщины племени монтоков красивы. Вы видели фотографии Уима и знаете, что его темные волосы, большие темные глаза, кожа золотисто-бронзового цвета и миниатюрное, но сильное и мускулистое тело весьма привлекательны. Да и Дон, конечно, имела сногсшибательную внешность; такая девушка причинила больше аварий на дороге, чем пьяные водители.

Мужчины западали на женщин племени монтоков с того времени, как сэр Джон Гарднер заплыл в наш залив, и время от времени, с разрешения вождя и *навигатора*, мы принимали в племя белых людей. Это подчеркивает нашу скромность и позволяет осознать, что, как сказал

наш вождь Обрывок Листа, «даже человек может стать монтоком». И поскольку монтоки всегда считали, что цвет кожи — это всего лишь цвет кожи, а своему цвету кожи мы обязаны не только полинезийцам, но и чернокожим, азиатам, другим американским индейцам (и даже представителям белой расы), мы хотели показать, что у нас нет предрассудков и что мы не имеем ничего против людей с другим цветом кожи.

Это также увеличивало нашу численность. Поскольку мы отклоняли примерно четырех кандидатов из пяти и принимали только самых лучших, нам удавалось поддерживать высокие стандарты.

В общем-то, у нас была хорошая жизнь. Как сказал внук вождя Капли Воды, Птичье Перо, «Монтоки — это индейцы, которым повезло. Поскольку мы никогда не рождались, то никогда и не умирали. У нас не было собственной земли, и поэтому ее никто не мог отнять. Мы никогда не голосуем на выборах президента и никогда не чувствуем себя глупо».

Вернемся к Уиму. Я помог Широкой Луже донести его домой — до частично затонувшей угольной баржи с полуразвалившейся каютой на палубе. Широкая Лужа поселилась здесь после того, как вернулась к традиционному образу жизни монтоков, сбежав от матери-ренегатки, когда ей было тринадцать. Затонувшая баржа была одним из лучших жилищ монтоков: вид на воду, свежий воздух, канализация и никакого риска затонуть.

В качестве кровати Широкой Луже служил старый матрац, положенный на устроенную из полдюжины брошенных ящиков из-под рыбы платформу. Когда она прилегла отдохнуть и покормить своего малыша в первый раз, она по-прежнему блаженно улыбалась, хотя явно устала.

У меня было странное чувство. Я вспомнил *Видение*, которое было у меня так давно, что я уже думал, будто забыл его. Посмотрев, как ребенок с аппетитом ест, я

пошел за своей сестрой Сидячей Коровой — мне нужно было кое-что обдумать.

Когда мы вернулись на баржу, Сидячая Корова сразу бросилась к Широкой Луже и младенцу, стала их трогать и говорить, что малыш — красавец. Я не спешил, потом меня вдруг осенило, и, нахмурившись, я склонился над ним. Впервые осмотрев его внимательно, я увидел необычно маленького ребенка с густой шевелюрой черных волос, широко открытыми темными глазами и отлично сформировавшимся телом — ему было меньше чем день от роду, но он был активным и живым. Он смотрел на меня ясными глазами и улыбался.

— Привет, — сказал он.

Я и без того нервничал после рождения младенца. А тут еще этот странный младенец затевает разговор. На минуту я потерял дар речи и только смотрел на него, выпучив глаза и, вероятно, покраснев. Потом я перевел взгляд на Широкую Лужу, которая лежала на своем матраце из пенопласта и смотрела на меня с уважением.

— Откуда он взялся? — строго спросил я, хмуро глядя на Широкую Лужу, так как все больше укреплялся в уверенности, что это был особенный младенец. Не важно, говорит он «привет!» или нет, он был *Особенным Существом*, о приходе которого говорили наши мифы и мое *Видение*.

Обе женщины растерянно смотрели на меня.

— Что значит «Откуда он взялся?», старый дурак? — сказала Сидячая Корова. — Он взялся из живота Широкой Лужи.

— Кто отец? — продолжал я все еще с хмурым видом, зная из своего *Видения*, что у Особенного Существа не должно быть земного отца. У Широкой Лужи увлажнились глаза, она взяла Уима и прижала его к груди.

— У него нет отца, — прошептала она на языке монтоков.

У меня задрожали колени.

— Ты никогда не трахалась? — спросил я по-английски, так как не был уверен, что правильно понял ее ответ на языке монтоков.

Я не владел языком монтоков в совершенстве, так как стал учить его только после того, как вернулся в племя, проведя четыре года в морской пехоте США, в тот период, когда мне казалось, что я хочу быть *человеком*.

Широкая Лужа повторила то же самое и по-английски.

— Так я и думал, — сказал я, и меня охватило сильное волнение.

Сидячая Корова хмурилась и бросала на меня сердитые взгляды.

— Ты хочешь сказать, что его отец был *человеком*? — спросила она, имея в виду белого человека.

— Нет, — сказала она тихо на языке монтоков.— У него *нет* отца.

— Конечно, у него нет отца, — сказал я с победным видом. — Я понял это, как только его увидел.

Я опять посмотрел на прекрасного младенца на руках у Широкой Лужи, и он снова улыбнулся мне. Я тоже ему улыбнулся.

Потом я выпрямил спину, воздел руки над головой и заговорил громоподобным голосом на языке монтоков, как подобает нам, *навигаторам*.

— Этого ребенка зовут Уим, — рокотал я в крошечной каюте. — Скользящий по волнам… Он послан нам Богами с особой миссией… о которой только он один однажды узнает… Он — последняя надежда племени монтоков. Схорони его.

Не проронив больше ни слова, я набросил на плечи подобранную с помойки ветровку фирмы «Л. Л. Бин», повернулся и вышел.

Хотя я и был *навигатором* всего племени монтоков, это вовсе не означает, что я был силен в языке монтоков. Как многие из нас, в течение нескольких десятилетий я

отвлекался на английский язык. Я сказал: «*Вагах тоссоми баласка*», что было понято Широкой Лужей как «Он наша последняя надежда, схорони его».

Естественно, я хотел сказать: «*Вагах тоссоми малахка*», что значит «Он наша последняя надежда, сохрани его», но годы проведенные в морской пехоте США и часы перед телевизором нанесли урон моему владению языком монтоков. И Боги, которые никогда не упускают возможности позабавиться, повернули мой язык не так.

После того как мы с Сидячей Коровой ушли, бедная Широкая Лужа вынуждена была исполнить ужасный приказ схоронить своего ребенка, несмотря даже на то, что он был последней надеждой племени монтоков. Она прижала Уима к себе и сквозь слезы прошептала, что она любит его и просит у него прощения, но пребывала в полной уверенности, что если уж я велел ей схоронить сына, на то должна была быть воля Великого Духа.

Она завернула Уима в старое одеяло и на подкашивающихся ногах снова отправилась к старой шлюпке Укротителя Чаек. Следуя нашему традиционному погребальному обряду, она положила Уима на бак, куда не доходила вода из течи, и начала произносить древние погребальные песнопения монтоков. По ее лицу рекой лились слезы, грозя затопить лодку, а когда ритуал был закончен, она оттолкнула лодку и направила ее в залив. Баржа находилась на соляном болоте в южной части пролива Блок-Айленд, и вскоре ветер и течения стали уносить лодку все дальше от Широкой Лужи в бескрайность открытого моря.

Видя, как волны уносят ее ребенка навстречу закату, Широкая Лужа пришла в отчаяние и, издав оглушительный вопль, выдававший ее душевные муки, отвернулась и, спотыкаясь, побежала обратно к своей барже. Она бросилась на постель и зарыдала. Она рвала на себе волосы, разорвала свою последнюю целую простыню и вообще вела себя так, как обычно ведут себя девицы в

подобных случаях. Но не сказала ни одного худого слова ни обо мне, ни о Великом Духе. Она была настоящей представительницей монтоков, до мозга костей.

В утренних сумерках, все еще лежа в постели, она услышала странное постукивание в той части баржи, которая была в воде, будто какой-то плавучий предмет ударялся о борт. Она выскочила из постели и вышла посмотреть, в чем дело. Был прилив, и когда она стала осторожно, подобно поросенку, который тычется, ища свиноматку, осматривать баржу, она увидела гребную шлюпку Укротителя Чаек. В ней с широко открытыми глазами, улыбаясь, лежал Уим.

— Привет, мамочка, — сказал он.

Приглушенно вскричав от радости, она поспешила, спотыкаясь, к лодке и, встав на колени в воду, прижала к груди малыша. В то время как его мама раскачивалась взад-вперед, позабыв обо всем от счастья, Уим водил носом, пока не расстегнул блузку, не нашел сосок и не начал сосать. Уим всегда был из тех, кто не преминет перекусить, когда выдается такая возможность.

Но Широкая Лужа знала, что, если я велел схоронить ее младенца, она должна была его схоронить, невзирая на то, насколько глуп и ужасен был приказ. Когда, насытившись, Уим заснул, она снова завернула его в старое одеяло и снова положила на корму и, пропев в очередной раз погребальные песнопения монтоков, оттолкнула лодку от берега. Когда она тащилась обратно к своей постели во второй раз, на душе у нее было еще хуже, чем в первый.

Но на рассвете, двенадцатью часами позже, хотите верьте, хотите нет, что-то снова стало биться о борт баржи. Она выбежала и увидела, что новый прилив снова принес старую лодку с Уимом. Теперь бедная Широкая Лужа не знала, плакать ей или смеяться. Она взяла малыша на руки, отнесла его в каюту и сказала что-то вроде «Черт!» или «Сколько можно!» или, может быть, что-то

менее грубое, ведь она была Широкой Лужей. Во всяком случае, как я понимаю, она решила, что раз Боги дважды возвращали Уима, она не будет больше рисковать. Вдруг Боги отвлекутся и забудут вернуть его в третий раз? Поэтому она спела песню монтоков по случаю рождения, забралась в постель, покормила Уима грудью и решила, что Уим будет расти, хочет этого *навигатор* или нет.

✳

Позже мы с Сидячей Коровой пришли их навестить. Широкая Лужа спрятала Уима под одеяло в страхе от того, что ослушалась меня.

— Я тут подумал, — сказал я, подвигая деревянный ящик, чтобы сесть рядом с Широкой Лужей, которая сидела в старом деревянном кресле-качалке.

— Где ты хоронишь Уима? — имея в виду, конечно, «Где ты его хранишь?»

Бедная девушка смотрела на меня в испуге и смятении.

— В гребной шлюпке, — наконец вымолвила она, неспособная лгать.

— В гребной шлюпке! — воскликнула Сидячая Корова.

— Да…

Я кивнул.

— Хорошо… очень хорошо, — сказал я рассеянно. — Если люди будут спрашивать, говори, что потеряла ребенка.

Широкая Лужа кивнула в растерянности.

— Ребенок и сейчас в шлюпке? — спросила Сидячая Корова, которая, казалось, еще не оправилась от потрясения.

Уим прополз под покрывалами в поисках матери и, достигнув края постели, упал на деревянный пол баржи. Мы все обернулись и смотрели в изумлении, как он